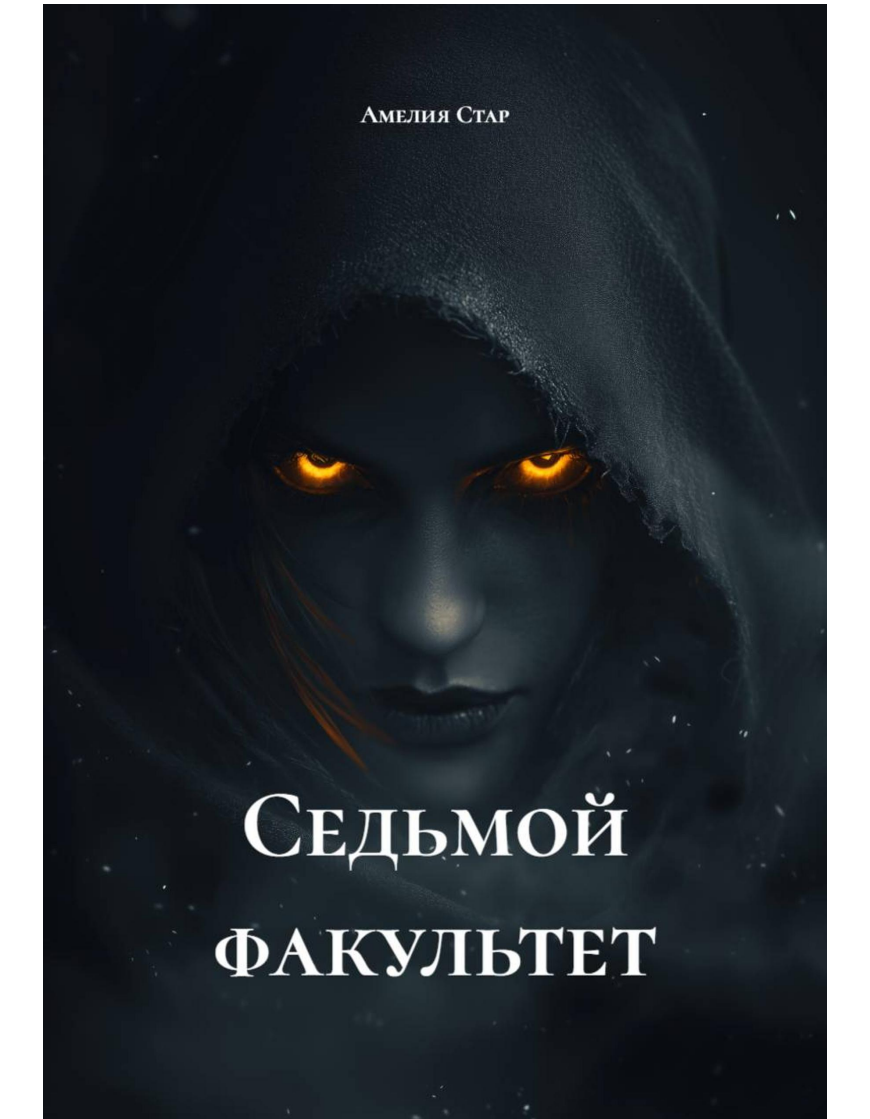




АМЕЛИЯ СТАР

СЕДЬМОЙ
ФАКУЛЬТЕТ

Амелия Стар

Седьмой факультет

<https://litres.ru/74395099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даша думала, что её главная проблема — разбитая помолвка. Оказалось, что самое страшное — это выжить с Даром без родословной, когда каждый день может стать последним. Эта книга — первая в цикле о мире Кромки: история Даши имеет завершённую сюжетную арку, а дальнейшее развитие вселенной зависит от читателей

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Амелия Стар

Седьмой факультет

Глава 1

Не показалось.

Я моргаю ещё раз, и тень в углу бабушкиной кухни не исчезает — она переступает с ноги на ногу, как будто ей неудобно стоять на месте, и скребёт короткими пальцами по дверце буфета.

Так. Дыши, Даша. Дыши.

— Даш, ты слушаешь вообще? — Максим держит перед собой телефон с рассадкой на свадьбу, водит пальцем по экрану. — Я говорю, тётя Валя не может рядом с твоей мамой, они с прошлого года не разговаривают.

— Угу.

Тень отлипает от стены. Она размером с кота, но идёт на двух ногах, и у неё есть лицо — маленькое, серое, всё в морщинах, как печёное яблоко. Она смотрит прямо на меня и подносит палец к губам.

Тихо.

Я вдыхаю — запах тёплой пыли и хлеба, будто кто-то только что достал буханку из печи, хотя бабушка последний раз пекла хлеб лет пять назад, до того как слегла. Запах такой

плотный, что я чувствую его на языке, и внутри у меня что-то заворачивается в тугой узел — не страх ещё, а его младший брат, который пока просто разглядывает обстановку.

Максим тем временем уже перешёл к списку тостов — кто говорит первым, кто вторым, стоит ли давать слово его дяде, который на прошлой свадьбе довёл невесту до слёз неудачной шуткой. Я киваю в нужных местах, не слыша ни слова, потому что существо на кухне неторопливо подходит ближе, вразвалку, как будто у него вся вечность впереди, и садится на краешек стола — прямо между сахарницей и вазой с искусственными цветами, которые бабушка не меняла лет десять.

Ну офигеть. У меня галлюцинации, и они пришли с манерами.

— Ты меня видишь, — говорит существо. Не спрашивает. Голос сухой, шуршащий, как будто кто-то трёт друг о друга два листа наждачной бумаги.

Я не отвечаю сразу. Смотрю на него в упор, надеясь, что если моргнуть достаточно раз, оно исчезнет, как пятна перед глазами после яркого света. Оно не исчезает. Наоборот — наклоняет голову набок, разглядывая меня с тем же интересом, с каким я разглядываю его.

— Даш, я серьёзно, — говорит Максим, не отрываясь от телефона. — Про дядю Гену — говорить ему или нет?

— Погоди.

Сердце вдруг оказывается где-то в горле — не колотится,

а именно перебирается туда целиком, мешает дышать. Я роняю чашку. Она разбивается о плитку, и звук такой громкий, что Максим вздрагивает и наконец поднимает голову от телефона.

— Даш? Ты чего?

— Ты не видишь? — Я показываю рукой на угол, где существо теперь сидит на корточках прямо на столе и с интересом разглядывает моё лицо снизу вверх. — Вот там. Оно там сидит.

Максим смотрит в угол. Смотрит на меня. Снова в угол.

— Там пусто, — говорит он медленно, тем голосом, которым разговаривают с людьми на больничной койке.

Приехали.

— Оно на столе. Между сахарницей и цветами. Максим, оно смотрит на меня.

— Даша.

— Я не сумасшедшая.

— Я не говорил, что ты сумасшедшая. — Он говорит это слишком быстро, и в этом «слишком быстро» я слышу, что он уже подумал это слово, ещё до того, как я его произнесла.

Существо на столе наклоняет голову.

— Он боится, — говорит оно мне доверительно, будто мы тут вдвоём. — Люди всегда боятся того, чего не видят. Твоя бабушка была умнее. Она оставляла мне молоко по пятницам.

— Бабушка знала про тебя?

— Про кого? — Максим уже встал со стула. Костяшки пальцев у него белые — так сильно он сжимает спинку. — Даша, с кем ты разговариваешь?

Я открываю рот и понимаю, что не знаю, как это объяснить так, чтобы он не смотрел на меня вот так. Уже поздно — он смотрит.

— Домовой, — говорю я вслух впервые в жизни, и слово на языке ощущается чужим и одновременно совершенно правильным, как будто я всегда его знала и только сейчас вспомнила.

Максим молчит три секунды. Я считаю их — раз, два, три — и в каждой из них что-то в его лице закрывается, как ставень.

Ну вот и всё, поздравляю, Даша. Разрушила помолвку одним словом. Рекорд.

— Мне нужно на воздух, — говорит он.

— Макс.

— Мне нужно... — Он берёт куртку со спинки стула, не глядя на меня, и руки у него дрожат, когда он не может попасть в рукав с первого раза.

Смешно было бы, если бы не было так больно.

— Я позвоню тебе.

— Ты мне не веришь.

— Я не знаю, во что верить. — Он наконец справляется с курткой и смотрит на меня — и в этом взгляде нет злости, нет отвращения, есть только страх, настоящий, непри-

крытый, и от этого почему-то ещё больше. — Ты говоришь с пустым углом, Даш. Ты слышишь себя?

— Я не выдумываю.

— Я не говорю, что ты выдумываешь. Я говорю, что не знаю, что с тобой происходит, а ты не даёшь мне... — Он останавливается, трёт лицо ладонью. — Мне нужно подумать. Просто дай мне подумать.

Дверь закрывается тише, чем я ожидала. Почему-то думаю: если бы он хлопнул ею, было бы легче. Хлопок — это хотя бы честно.

Существо на столе меланхолично тянется к сахарнице и облизывает палец.

— Он не вернётся сегодня, — сообщает оно буднично, будто это самая обычная новость на свете. — А может, и завтра.

— Заткнись, — говорю я и понимаю, что говорю это не домовому.

Я говорю это себе — тому голосу внутри, который уже шепчет: он прав, с тобой что-то не так, ты только что разрушила всё сама, своими руками, одним словом.

Отлично, блестящая работа. Может, ещё что-нибудь разрушим, раз пошла такая пьянка?

Я сижу на полу кухни ещё минут пять после того, как хлопает дверь подъезда — этот звук доносится глухо, через два этажа, но я всё равно его различаю, потому что специально прислушиваюсь. Достāju телефон, набираю его номер. Гудки

идут долго, шесть, семь, а потом сбрасываются — не автоответчиком, а человеком, который видит моё имя на экране и сознательно нажимает «отбой».

Восьмой гудок я себе даже не позволяю додумать.

Осколки чашки лежат на полу между моих ног. Я наклоняюсь их собрать и вижу, что на запястье, там, где старый шрам от велосипеда — тот, что остался с двенадцати лет, — кожа еле заметно светится. Бледно, почти незаметно, как остывающий уголёк.

Такого не было вчера.

Так, а вот теперь — что.

— Что со мной происходит, — говорю я вслух, ни к кому конкретно.

Домовой спрыгивает со стола на пол, подходит и садится напротив меня на корточки, разглядывая шрам с нескрываемым любопытством.

— Ты правда не знаешь? — Он звучит удивлённым, почти растроганным. — Ох, деточка. Тебе многое предстоит узнать.

Он протягивает лапку и тыкает пальцем в светящуюся кожу — не больно, скорее как проверяет, настоящее ли.

— Больно? — спрашивает он с неожиданной заботой в голосе, как будто секунду назад не разговаривал со мной так, будто сообщал прогноз погоды.

— Нет. — Я разглядываю собственное запястье, как чужое. — Просто странно.

— Странно — это только пока непривычно. — Домовой садится рядом со мной прямо на осколки, не обращая на них внимания, будто они его не касаются. — Твоя бабушка знала, что ты особенная, задолго до всего этого. Ещё когда ты маленькой видела тени в саду и никому про них не рассказывала, кроме неё.

— Я не помню такого.

— Ты была маленькая. Дети много чего не помнят из того, что видели на самом деле. — Он смотрит на дверь, за которой скрылся Максим, и в его сухом голосе появляется что-то вроде сочувствия. — Он вернётся за вещами. Не за тобой. Ты уж прости, что я так прямо, но врать тебе сейчас смысла нет — вранья вокруг и так будет достаточно, когда ты доберёшься до того места, куда тебе нужно попасть.

Замечательно. Кухонный дух с манерами английского дворецкого только что подписал мне приговор по личной жизни.

— Куда мне нужно попасть?

— Узнаешь. — Домовой поднимается, стряхивая невидимую пыль с колен, которых у него, кажется, и вовсе нет — просто складка на туловище, изображающая ногу. — А пока — вымой пол. Осколки в темноте я вижу хорошо, а вот ты себе поранишь ногу, и мне потом отвечать перед твоей бабушкой на том свете, что не уследил.

— Это только начало, — добавляет он уже от двери, оборачиваясь в последний раз. — Причём, милочка, не самое

страшное из того, что тебя ждёт.

Дверь за ним не хлопает и не скрипит. Просто перестаёт быть открытой.

Я сижу одна на кухне, где пахнет хлебом, которого никто не пёк, смотрю на своё запястье — оно всё ещё тускло светится, будто внутри кто-то забыл выключить крошечную лампочку, — и думаю только одно.

Не показалось. Ни капли не показалось. И это, кажется, самая страшная мысль за весь вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.